

В. В. Молзинский

Музыкальное образование в современной России: проблемы и парадоксы

Система музыкального образования в России рубежа XX–XXI в. рассмотрена с позиции современной научной точки зрения. В основу исследования положены методы историко-музыковедческого и музыкально-социологического анализа.

Ключевые слова: музыкальное образование, обучение профессиональных музыкантов, массовое музыкальное просвещение

Vladimir V. Molzinsky

Music education in modern Russia: problems and paradoxes

The system of musical education in Russia in 20th–21st centuries is analyzed from the perspective of the modern view of science. The basis of this research is based on the methods of historical, musicological and music-sociological analysis.

Keywords: musical education, training of professional musicians, mass music education

Музыкальное образование в современной России несет в себе необозримо широкий круг вопросов и проблем, требующих решений и глубокого изучения в стремительно развивающемся мире.

Первой в ряду таковых является проблематика, касающаяся вопросов истории и преемственности профессионального музыкального образования; второй – не по значению, а по порядку – наметившаяся ранее, но заметно осложнившаяся в последние годы – проблема потери слушателя филармонического концерта; и, наконец, третьей проблемой на фоне очевидных социально-экономических трудностей существования высшей школы, с одной стороны, и ряда позитивных моментов (главным в ряду которых надо признать бесценную возможность творческой свободы) – с другой, явственно очерчивается острейшая ситуация воспроизводства, восполнения кадров профессиональных музыкантов. Попытаемся разобраться в этих проблемах, насколько это возможно в рамках небольшой статьи.

Прежде всего, коснемся вопросов осмысления истории и современного состояния музыкального образования в отечественной музыкальной науке. Такие составляют специфический пласт проблем, весьма подробно разработанных во многих исследованиях музыкальной культуры, ее прошлого и настоящего, но не сформировавших еще целостного, системного взгляда на предмет. Доходит до того, что вопросы массового музыкального просвещения и задачи профессионального обучения музыкантов рассматриваются порой как однопорядковые явления, что на самом деле является сердцевинной совершенно разноплановых задач музыкальной педагогики, требует еще целого ряда уточнений и дальнейшего развития на фоне имеющихся достижений в сфере научно-педагогических знаний.

В научных публикациях последних десятилетий выделяются работы Н. А. Терентьевой. Некоторые из них, в частности учебное пособие «История и теория музыкальной педагогики и образования», сообразно с заглавием претендуют на всеобъемлющий охват данного вопроса. И действительно, на страницах двухчастного издания предпринимается попытка осветить историю музыкальной педагогики и образования от истоков до наших дней. Однако автор упомянутой работы не находит нужным дифференцировать принципиально разные, на наш взгляд, аспекты обучения профессиональных музыкантов, с одной стороны, и массового музыкального образования – с другой. При этом итогом, «поворотным этапом» в истории отечественной педагогики предстает теория музыкального воспитания Д. Б. Кабалевского, достоинство которой, по определению Н. А. Терентьевой, – в обобщении опыта «мировой практики музыкального воспитания»¹. Позволим себе не комментировать моменты реальной эффективности системы Д. Б. Кабалевского в формировании интересов школьников к музыке академических жанров и ее содержательных достоинств по отношению к аналогичным в своих исходных целях программам, внедренным в свое время в Японии, Германии, Венгрии и ряде других стран. Подчеркнем лишь очевидное – принципиальную разницу задач, методов и форм обучения профессиональных музыкантов и слушателей. Справедливости ради надо заметить, что в отечественной науке последующих лет продолжают развиваться эти тенденции как бы унифицированного подхода к вопросам воспитания подготовки слушателя музыки академических жанров и профессионального образования, ориентированного на подготовку музыкантов-исполнителей. Так С. И. Дорошенко

в своем историко-педагогическом исследовании 1999 г. определяет существующий в науке «разрыв» между „общим“ и „профессиональным“ музыкальным образованием как **искусственный**².

По мнению всемирно известного Синити Судзуки, все рождаются с природной способностью учиться. В своей методике воспитание таланта, он доказывает, как развить способности личности и каким образом из посредственного ребенка может получиться прекрасный музыкант³.

Известный автор – профессор Российской музыкальной академии им. Гнесиных Л. Р. Мадорский в книге «Музыкальное воспитание ребенка»⁴ считает, что главное – научить детей любить музыку, чтобы одно из самых прекрасных искусств вошло в их жизнь. Автор книги уверен, что музыкальное воспитание необходимо каждому и начинать его нужно как можно раньше, независимо от того, кем станет ребенок в дальнейшем⁵. В этом он солидарен со многими педагогами-практиками, такими как П. Тюленев, М. Ибука и др.

Ракурс настоящего исследования, направленного на изучение реального состояния системы музыкального образования, предполагает неизбежную необходимость четкого разграничения понятий «массовое музыкальное просвещение» и «профессиональное обучение музыкантов».

Объективный взгляд на историческое прошлое заставляет признать многое, что отложилось в мировоззрении исследователей прошлого (иногда не слишком отдаленного) и является отражением реально протекающих процессов в системе подготовки специалистов в нашей стране. Вспомним, разве престижные музыкальные вузы столичных городов Советского Союза, прежде всего Москвы и Ленинграда, готовили только звезд мировой сцены? Разве выпускники престижных музыкальных вузов не работали в массе своей в системе детских образовательных учреждений? Работали очень многие, если не все. Так было на самом деле.

А параллельно, особенно в 1960–1970-е гг., администрации крупных городов страны стремились (в основном успешно) к открытию музыкальных вузов или факультетов, как минимум училищ, «на местах». Периферийные структуры (вузы и сузы) готовили специалистов, отдающих (обычно) себе отчет в том, что сферой их профессиональной работы будет детская музыкальная педагогика.

Все это вошло в современную жизнь, вобрав в себя негативные особенности жизни на постсоветском пространстве. Если раньше существовала система государственного распределения молодых специалистов по стране и, что еще важнее – система целевых направлений, то часть «целевиков» и коренных жителей столичных городов уезжала (на время или навсегда) на работу, соответствующую полученной квалификации. Они несли с собой то

лучшее, чем славились всемирно признаваемые исполнительские и композиторские школы Московской и Ленинградской консерваторий.

Сегодня по причинам вполне понятным музыкально-образовательные учреждения русской «глубинки» как бы «воспроизводят сами себя». В результате может возникнуть тенденция снижения уровня профессионального образования по стране. Остается лишь утешаться тем, что процесс этот небыстротечен и есть еще возможность как-то замедлить или предотвратить развитие упомянутой тенденции, медленно, но неуклонно ведущей к деградации музыкальной и, отчасти, духовной культуры общества в целом. Прежде всего, необходимо четко обозначить разнородность задач массового музыкального просвещения и профессионального образования музыкантов.

Последнее определяет необозримо широкий круг вопросов подготовки музыкантов. Возникают мало сопоставимые проблемы природной одаренности и профессиональной технологической оснащенности. Первая, мало существенная в вопросах воспитания музыкального вкуса слушателя-любителя выступает на первый план в процессе профессионального обучения, когда становится, по крайней мере, некорректно рассуждать об идентичности творческих задатков Моцарта и среднестатистического ребенка. Вторая (технологическая) предполагает школу профессионального мастерства, требующую огромной каждодневной работы, немыслимой в контексте существующих программ и учебных планов массового образовательного учреждения.

Попытка же найти общую смысловую направленность, а тем более, единые методы подготовки слушателей и музыкантов-профессионалов представляется, честно говоря, прекраснородушной иллюзией. С тем же успехом можно искать педагогические подходы, одинаково пригодные для подготовки актеров и страстных поклонников театра, не предполагающих увидеть когда-либо зрительный зал со сцены, живописцев и любителей изобразительного искусства, вовсе не склонных к овладению навыками грунтовки холста и прочей технологии создания художественного шедевра. Зачастую это просто немыслимо. Бесперспективны и надежды видеть в каждом ребенке потенциально возможного Ф. Листа, С. Рахманинова или просто достойного профессионального музыканта.

«Для того, чтобы стать всем, надо изначально быть кем-то», – заметил как-то композитор Д. А. Толстой. Лучше не скажешь. Эффективные формы массового музыкального просвещения могут способствовать формированию музыкально-слушательских интересов всех или многих, но музыкантом-профессионалом может быть не каждый, возможность стать творческой личностью – дел

избранных, а реализация такой возможности – вопрос педагогического таланта и перспективных методов профессионального обучения.

Поэтому, не отрицая определенных взаимосвязей в вопросах методики обучения музыканта и подготовки слушателя, а также самой значимости последнего спектра музыкально-просветительских задач, оставим их в стороне, сосредоточив внимание на вопросах профессионального музыкального образования. Таковым уделено достаточно места на страницах основополагающих музыкально-исторических изданий, в ряду которых упомянем десяти томную «Историю русской музыки», а также научные труды А. Д. Алексеева, М. С. Друскина, Г. Г. Нейгауза, А. А. Николаева и др., связанные с историей и развитием исполнительских школ в России.

Безусловную значимость в данном контексте сохраняет и наследие Л. А. Баренбойма. Применительно к теме настоящей работы наибольший интерес представляет его труд «Музыкальная педагогика и исполнительство», увидевший свет в 1974 г., но содержащий также тексты его работ, созданных и опубликованных ранее. По мнению автора, перед педагогом-музыкантом встают определенные задачи, в ряду которых выделяются четыре наиважнейшие: во-первых, это формирование **человека** («понимаю, знаю, чувствую и оцениваю»); во-вторых, формирование **музыканта** («слышу, чувствую, понимаю»); в-третьих, формирование **пианиста** («могу и умею воплотить»); наконец, в-четвертых, формирование **исполнителя** («загораюсь», «хочу воплощать», «хочу передать другим и воздействовать на других»)⁶.

Ученый не дистанцируется, между тем, и от проблем массовой музыкальной педагогики, но касается их лишь косвенно – в русле задач подготовки будущих музыкантов-профессионалов.

Отдельного разговора заслуживает и история высшего музыкального образования в России, ведущего свои истоки, как известно, с 1862 г., с открытия Санкт-Петербургской консерватории, события первых лет существования которой отражены в книге Л. А. Баренбойма «Антон Григорьевич Рубинштейн»⁷, а ярчайшие страницы в ее судьбе – в двухтомном издании «Ленинградская консерватория в воспоминаниях», выпущенном в 1987–1988 гг. под редакцией Г. Г. Тигранова⁸.

Тема данной статьи предполагает, однако, анализ состояния профессионального музыкального образования в недавней, по крайней мере, послевоенной истории России. А недавние события и явления, как известно, могут быть не столько предметом исторического анализа, сколько объектом критического осмысления и интерпретации в том числе с позиции социологических теорий. Современному их уровню отвечает, в частности, коллективный труд С. А. Лисицина, В. Г. Лукьянова

и И. С. Урсу «Социология», где образование рассматривается как «фундамент, на котором стоит все здание современного общества», как «условие развития науки, экономики, политики, культуры»⁹.

Всякое образование, как известно, в целом, а музыкальное – в особенности, носит многоуровневый характер. Но музыкальное образование в своей многоступенчатости несет в себе сгусток содержательных противоречий. Так интерес к музыке академических жанров формируется, что неоспоримо, прежде всего в раннем возрасте, а значит – на начальной стадии музыкального обучения.

Но по устоявшимся (и трудно оспариваемым представлениям) профессиональное образование музыкантов начинается только в среднем учебном заведении. Контингент большей части таковых (за исключением специализированных школ при консерваториях, хорового училища при Капелле и немногих других) формируется за счет выпускников детских музыкальных школ (ДМШ), детских школ искусств. Абитуриенты музыкального училища – это уже не дети. Это вчерашние восьми- или десятиклассники. Уже на вступительных экзаменах они демонстрируют навыки профессиональной подготовки. Реально таковы условия приема. Но эти навыки столь же «реально» формируются в условиях «непрофессионального» обучения в ДМШ.

Не желая принизить труд школьных учителей, честно выполняющих свой профессиональный долг, напомним, что данный тип учреждений имеет принципиально иные, по крайней мере, формально декларируемые – музыкально-просветительские цели.

Получается двойной узел противоречий: с одной стороны, музыкантов-профессионалов на начальной (добавим, наиважнейшей) стадии обучения готовят в образовательных учреждениях непрофессионального профиля; с другой – педагогов для ДМШ готовят училища и консерватории – профессиональные учебные заведения подготовки музыкантов, в которых предметы педагогического профиля имеют явно периферийную значимость в учебных планах, зато «звездное ориентирование» является отличительной чертой, если не атрибутом мышления педагогов и студентов.

Своевременным и совершенно необходимым представляется совершенствование форм обучения студентов вуза, способных к решению двуединой задачи профессионального и массового образования, готовых к обучению будущих музыкантов и к приобщению к музыке академических жанров ее потенциальных слушателей.

В данном аспекте исследовательского анализа представляется очевидной неразрывная связь вопросов массового и профессионального музыкального образования, но вместе с тем – их

разноплановая специфичность. Прежде всего надо признать особую актуальность поиска пути к сердцам и душам массового слушателя.

Подобный круг проблем уже многие годы привлекает внимание исследователей. Уместно вспомнить здесь убедительные положения статьи Е. М. Орловой «Музыкальная жизнь и процесс интонирования». Сквозь призму асафьевской теории автор аргументированно ставит вопросы о типах взаимосвязи «композитор – исполнитель – слушатель» в музыкальной жизни начала восьмидесятых и справедливо приходит к выводу об отсутствии у нас в стране (подчеркнем – и поныне) последовательной и методически продуманной системы воспитания у слушателя «умения слушать музыку как определенный тип художественного мышления, имеющий свою специфику и обусловленный в своем историческом развитии»¹⁰.

В ряду крупнейших представителей отечественного музыкознания, еще в публикациях 20–30-летней давности определивших круг проблем, до сих пор остающихся актуальными, особое место занимают исследования В. В. Медушевского. Ученый одним из первых нашел возможным подчеркнуть возрастающую необходимость совершенствования форм контактов теоретиков и практиков музыкального искусства с массовым слушателем. Будучи не всегда достаточно подготовленным к самостоятельному и полноценному восприятию произведений серьезных жанров, лишенных привычных ориентиров – интонационно-жанровых элементов легкой музыки, – такой слушатель объективно нуждался (и нуждается) в помощи, в квалифицированном слове о музыке. Иначе неизбежна пропасть, через которую он, по меткому замечанию В. В. Медушевского, «не в силах перешагнуть даже под угрозой отлучения от культуры, потери права называть себя культурным человеком»¹¹.

И эта пропасть углублялась в последующие годы. Сегодня, рассматривая состояние музыкальной культуры, музыкальной социологии и профессионального музыкального образования как проблему многолетней давности, можно определенно сказать, что уже тогда (и ранее) рельефно очерчивалась необходимость пересмотра укоренившихся в традиционном музыкознании и музыкальной педагогике представлений в отношении интересов массовой аудитории в целях устранения или хотя бы сглаживания противоречий в оценках явлений музыкальной культуры музыковедов и массового слушателя, на что справедливо указывал В. В. Медушевский. По его словам, «для академических музыковедов, особенно тех, чье формирование проходило в дотелевизионную эпоху, ритмы и интонации рок-музыки – чуждый и незнакомый язык»¹². Отсюда и недоверчивое отношение к ним любителей этой музыки, интуитивно чувствующих,

что «академический музыковед, выступающий с критикой песни, не слышит ее, а, следовательно, некомпетентен в ее оценке»¹³.

Несомненно, наметившиеся ранее негативные тенденции разрыва музыкального искусства и публики, нельзя сводить к вопросам освоения стереотипов его интонационной основы. Но именно эта задача, не вполне осознанная в свое время, оказалась сегодня в числе практически не разработанных в сфере профессионального музыкального образования.

Другой – не менее важной задачей – явилась разработанная в науке, но не реализованная в учебно-педагогической практике процедура подготовки кадров музыкантов-исследователей состояния массового музыкального сознания.

Исследования 1980-х гг. дали немалый и довольно ценный материал, информативность которого имеет определенную значимость и в оценке особенностей современной социокультурной ситуации в сфере музыкальной жизни. Так обозначилась и показала в последующие годы свою абсолютную устойчивость тенденция дифференциации публики по предпочитаемым формам контакта с музыкой. Материалы исследований, проводимых тогда социологической группой кафедры Музыкальной критики Ленинградской государственной консерватории, показали многочисленность слушателей, в основном молодых, ориентированных прежде всего на электронные средства общения с музыкой.

Но в целом попытки видных ученых советского времени обогатить систему высшего музыкального образования подготовкой специалистов в области музыкальной педагогики и социологии оказались недостаточными в масштабе огромного государства. Были созданы лишь теоретические предпосылки, накоплен огромный материал, касающийся различных аспектов проблемы музыкального развития слушателя.

Проблема эта сохранила, таким образом, свою актуальность, обретая целый ряд новых аспектов и парадоксов. Действительно, современная ситуация в сфере высшего образования в целом, и художественного, в частности – парадоксальна. На фоне очевидных, упомянутых выше проблем современной высшей школы, часто напоминают о себе объективные, хотя порой далеко не новые. В частности, это наметившаяся в прошлом и непреодоленная поныне тенденция потери слушателя музыки академических жанров.

В поисках выхода из такого, без большого преувеличения, кризиса надо подчеркнуть актуальность разработки новых форм обучения, способствующих решению вопросов подготовки «потребителя» академического музыкального искусства. Это влечет за собой необходимость

решения непростых задач. По сути, речь идет о совершенствовании системы художественного образования и существенного разворота его в сторону обращения его целевой направленности на вопросы массового музыкального просвещения. Учитывая то обстоятельство, что снижение слушательского интереса к академической музыке уже давно носит характер устойчивой тенденции, а феномен музыкального развития всецело определяем условиями и возможностями реального слушательского восприятия, ключевой проблемой воссоздания аудитории филармонического концерта и музыкального спектакля, по сути, сфер непосредственного восприятия «художественной музыки» (термин Б. В. Асафьева, тождественный, на наш взгляд, понятию «музыки академических жанров») в естественных и изначально свойственных ей формах функционирования, становится совершенствование системы профессионального музыкального образования в направлении поиска путей художественного воспитания слушателя.

Практическое решение задачи музыкального воспитания слушателя лежит в сфере поиска путей разработки системы непрерывного образования от начального звена обучения детей музыке по нетрадиционным программам – до подготовки педагогов системы высшего образования и даже квалифицированных кадров вузовских преподавателей.

Актуальность подобных мер назрела давно. Просто сегодня накопившиеся в предыдущие десятилетия вопросы усугубляются дополнительными аспектами, порожденными уже современностью, многообразием ее влияния на материальную и духовную жизнь граждан. Если в исследованиях авторов советского времени справедливо подчеркивалась очевидная диспропорция между потенциальной ценностью достижений классического искусства и крайне невысокого к нему интереса так называемого «массового слушателя», ограниченно в своих интересах сферой музыки «популярных жанров», то сегодня эта диспропорция проявляется еще в большей мере.

Крайне тяжелое материальное положение интеллигенции ставит невиданный и немислимый ранее материальный барьер, который в значительной степени перекрывает доступ к культуре той социальной группе, которая всегда была ее главным потребителем. А в ситуации, когда экономическая жизнь в стране не очень-то способствует процессу воссоздания интеллектуальной элиты, да и просто специалистов с высшим образованием (известен же факт недостаточного финансирования большей части вузов, вызывающий необходимость сокращения приема бюджетных студентов), исчезает эта традиционная слушательская аудитория музыкальных театров и филармонических концертов. Ведь в

трудах авторов 1970–1980-х гг. не раз фиксировался факт абсолютного преобладания в зале слушателей, имеющих образование выше полного среднего.

Изложенные причины во многом объяснимы неизбежностью и необратимостью протекающих в России процессов. Но, невзирая на тривиальность подобных объяснений, они не дают ответа на вопрос о путях выхода из сложившейся ситуации, когда дальнейшее развитие этих процессов способно повлечь за собой устойчивую тенденцию деградации всей российской культуры.

Очевидно, что интерес к высокому искусству, в частности музыкальному, зарождается обычно в детском и юношеском возрасте, а интерес к музыке «академических жанров», как установлено еще учеными советской эпохи, оказывается наиболее эффективно формируемым в процессе непосредственного контакта с музыкой в ее «живом» исполнении. Между тем ребенок и подросток из так называемых «средних слоев интеллигенции» (как-то школьные учителя, врачи районных поликлиник, средний инженерно-технический состав и т. д.) практически отлучен от театрально-филармонической жизни.

Радио-эфир сегодня изобилует музыкой «популярных жанров», тогда как Радио-классика – единственный стереоканал общения с академической музыкой прекратил свое существование, оставшись в памяти меломанов благим воспоминанием о еще недавнем прошлом. Та же участь постигла программу «Радио-классика – Санкт-Петербург на волнах 88,9 fm».

Неисчерпаемы просветительские возможности Интернета, но не будем забывать, целенаправленный информационный поиск – результат уже достигнутого уровня сформированных духовных потребностей и ориентаций на определенные ценности, а интерес к академической музыке зарождается, как показывали результаты исследователей 1970–1980-х гг., еще в детском возрасте, задолго до того, как ребенку наших дней становится доступен компьютер, а уж тем более виртуальный мир Интернета.

Обучение ребенка музыке в современных условиях постепенно стало мало престижным делом. В то же время неистребимые духовные устремления представителей интеллигенции по части общения к высокому искусству своего потомства неумолимо ставят вопрос о том, как и на что это потомство будет существовать в новом мире, в котором открылись широкие перспективы не столь возвышенных, но гораздо более надежных и менее трудоемких путей будущего существования.

И все же система профессионального музыкального образования продолжает существовать, развиваться и совершенствоваться. И вот очевидный (и не единственный в сфере духовной жизни

общества) парадокс времени: согласно данным ЦСУ Российской Федерации общая численность студентов государственных вузов в последние два десятилетия XX в. неуклонно возрастала. Если в начале 1980-х гг. в вузах РСФСР обучалось примерно 3045,7 тыс. студентов, то к концу 1990-х гг. (по данным на 1999/2000 учебный год) – 3728 тыс.¹⁴ Затем наметился спад, обусловленный (или объясняемый) демографическими причинами. Но только заметим – «спад» происходил на фоне глобального роста в первое десятилетие XXI в. Численность обучающихся по программам высшего профессионального образования в 2012 г. достигла 6,3 млн человек, – сообщалось на сайте Минэкономразвития – и лишь с этой огромной цифры предполагалось и произошло сокращение до 5,5 млн человек в 2015 г. Но предполагалась и некоторая стабилизация. Так в статье видных авторов А. А. Семенова и В. А. Гуртова «Прогнозирование численности студентов в вузах России» проведен расчет динамики численности студентов в вузах России до 2015 г. Показано, что, несмотря на резкий спад рождаемости в начале 90-х гг., численность студентов вузов не должна существенно уменьшаться (за счет увеличения доли выпускников системы среднего профессионального образования, поступающих в вузы, а также за счет учета повторно поступающих выпускников 11-х классов прошлых лет, отчисленных с первых курсов), что сегодня – в начале 2017 г. – вполне соответствует известным уже (а не прогнозируемым) реалиям¹⁵. Неслучайно, число бюджетных мест для поступающих в вузы России в 2015 г. было увеличено (по сравнению с предыдущими) на 16% и достигло 576 тыс. Принятая и утвержденная Постановлением Правительства РФ от 23 мая 2015 г. № 497 «Федеральная целевая программа развития образования на 2016–2020 гг.» также вселяет надежду на перспективы развития высшего образования в России.

Кроме того, наметившийся ранее рост численности студентов негосударственных вузов¹⁶ позволяет констатировать факт возрастания устремлений молодежи к получению высшего образования, что в совокупности с изложенным выше дает основание на известную долю оптимизма по поводу перспектив отечественной высшей школы.

При этом, как и вся высшая школа России, вузы культуры переживают сегодня непростой период своего существования. Но, несмотря на хроническое недофинансирование по самым необходимым статьям, музыкальные вузы умудряются не только осуществлять свою образовательную деятельность, но даже способствовать в какой-то мере сохранению престижности творческих профессий. В такой ситуации творческие вузы сохраняют в общественном сознании статус элитарных, а молодых людей, желающих связать жизнь с нелегкой

профессией музыканта, оказывается столько, что можно говорить о реальной тенденции роста данного социально-демографического слоя.

В нынешних условиях, когда для молодежи открывается множество нетрудовых путей бездельного существования, отраден огромный поток желающих заниматься музыкой как главным делом жизни, совсем нелегким и требующем полной самоотдачи.

Таким образом, сохраняется пусть локальный (в масштабе огромного государства), но вполне устойчивый слой молодежи, для которой «художественная» музыка в собственном исполнении или в филармоническом концерте – не средство, а цель жизни, образ жизни, а избранная профессия – не просто работа, а ступок первичных духовных потребностей. При этом заработок-приработок студентов для немалой их доли оказывается не средством существования, а материальной базой для продолжения учебы, занятия любимым делом.

Таковы парадоксы времени, в которых формируются и решаются проблемы массового и профессионального образования музыкантов современной России.

Примечания

¹ Терентьева Н. А. История и теория музыкальной педагогики и образования: учеб. пособие. СПб., 1994. Ч. 2. С. 129–130.

² Дорошенко С. И. Музыкальное образование в России: ист.-пед. исслед. Владимир, 1999. С. 4.

³ См.: Судзуки С. Вращенные любовью. М.: Классика–XXI, 2006; Судзуки С. Воспитание талантов / пер. с англ. С. Э. Борич. Минск: Попурри, 2011.

⁴ Мадорский Л. Р. Музыкальное воспитание ребенка. М.: Айрис-пресс, 2011. 128 с.

⁵ Ибука М. После трех уже поздно / пер. с англ. Н. Перовой. 4-е изд., испр. М.: Альпина нон-фикшн, 2013.

⁶ Баренбойм Л. А. Музыкальная педагогика и исполнительство. Л., 1974. С. 27.

⁷ Баренбойм Л. А. Антон Григорьевич Рубинштейн. Л., 1957. Т. 1. С. 260–288.

⁸ Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Л., 1987. Кн. 1; 1988. Кн. 2.

⁹ Лисицина С. А., Лукьянова В. Г., Урсу И. С. Социология. СПб., 2001. С. 284.

¹⁰ Орлова Е. М. Музыкальная жизнь и процесс интонирования // Совет. музыка. 1981. № 6. С. 16.

¹¹ Медушевский В. В. Целостность социалистической музыкальной культуры как уровня гармонического развития личности // Музыкальное искусство и формирование нового человека. Киев, 1982. С. 40.

¹² Там же. С. 37.

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ Российский статистический ежегодник: стат. сб. М., 2000. С. 199.

¹⁵ Семенов А. А., Гуртов В. А. Прогнозирование численности студентов в вузах России // Высшее образование в России. 2010. № 6. С. 76–78.

¹⁶ Там же.